*Алина Павловна Иванова,
канд. архитектуры,
доц. кафедры дизайна
архитектурной среды
Тихоокеанского государственного
университета
Хабаровск, Россия
iva.nova@mail.ru*

DOI 10.31554/978-5-7925-0571-1-2019-1-80-85

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ НАРОДНАЯ АРХИТЕКТУРА: ГОРОДА И СУБУРБИИ

В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что локальная «народная» архитектура воспроизводит первичную культурную матрицу, заложенную в эпоху фронта. Для понимания современного архитектурного ландшафта дальневосточных городов (Благовещенска, Уссурийска, Хабаровска, Петропавловска-Камчатского, Южно-Сахалинска, Владивостока), необходимо вернуться к эпохе фронта и выявить основные архитектурные сюжеты, связанные с этими локациями. Дается анализ исторической архитектуры, типичной для каждого из перечисленных городов, выявляются иконические объекты, послужившие прототипами современному вернакуляру. На материале, собранном в экспедициях, рассматриваются особенности «народной» архитектуры, характерной для каждого конкретного города.

Ключевые слова: субурбии, архитектура фронта, народная дальневосточная архитектура.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537. Доклад, написанный по итогам летнего полевого сезона 2019 г., посвящен сравнению вернакуляра дальневосточных городов. В качестве рабочей гипотезы выдвигается

предположение о том, что локальная «народная» архитектура воспроизводит первичную культурную матрицу, заложенную в эпоху фронта-ра.

Конкретизация предлагаемых терминов. «Народная» архитектура – условная категория, которая включает жилую и коммерческую застройку, созданную без участия государства, девелопмента и крупного бизнеса; «народная» архитектура рассматривается как органичное продолжение архитектуры фронта-ра.

Источниковая база исследования. Помимо планомерной фотофиксации объектов, личных наблюдений, опросов и «устных мемуаров», мы опирались на корпус хроник фронта-ра – дневники, травелоги, письма и воспоминания конца XIX – начала XX в. [Арсеньев 1926; 912], [Кауфман 1901;1905], [Янковский 2012; Прей 2011], а также монографии местных краеведов [Зуева 2012; Витер 1997; Самарин 2018].

Особенности формирования дальневосточного культурного ландшафта. Дальневосточные города, основанные в XIX – первой трети XX в., так и остались одинокими полисами, островками цивилизации, затерянными в бескрайних пустынных пространствах. Это замкнутые на себе анклав-ы, где вновь и вновь воспроизводится архитектура первого этапа колонизации. Тема рецепций архитектуры фронта-ра в современных субурбиях была раскрыта в учебном пособии [Иванова 2018]. Основное различие дальневосточных городов связано с географическим положением и способом колонизации. Ключевые пункты континентальной колонизации: Благовещенск, Хабаровск, Уссурийск-Никольский. Исторические центры этих городов имеют прямоугольную планировку, типичную для колониального градостроительства и успешно применявшуюся еще римскими легионами. Южно-Сахалинск, лежащий в плодородной долине, также сохранил жесткую регулярную структуру, заложенную японцами в период Карафут-о.

Ключевые пункты морской колонизации расположены на резко выраженном рельефе и отличаются сложной живописной планировкой. Если в континентальных городах слободы и окраины расползаются по горизонтали, вдоль основных транспортных связей, то в Петропавловске и Владивостоке активно развиваются «вертикальные субурбии».

Рецепции архитектуры фронта-ра в современном вернакуляре. Для понимания современного архитектурного ландшафта дальневосточных городов, необходимо вернуться к эпохе фронта-ра. Благовещенск обязан своим расцветом «золотой лихорадке». В первое десятилетие XX в.

город пережил всплеск купеческого барокко, апофеозом которого стало возведение громадного дворца Чурина, который, впрочем, так и остался одиноким архитектурным эксцессом, а благовещенский мейн-стрим повернул в сторону привычной краснокирпичной гарнизонной архитектуры с явным готическим акцентом. Флагином этого «патриотичного» направления выступал величественный германский торговый дом «Кунст и Альберс». Впрочем, за исключением трех главных улиц, идущих параллельно набережной Амура и застроенных купеческими особняками с гарнизоном на левом фланге, Благовещенск представлял (и представляет) собой хорошо спланированный деревянный одноэтажный город. Основной жилой единицей являлась квадратная в плане изба с низкой четырехскатной крышей. Отлично сохранившийся жилой фонд предотвратил в Благовещенске появление значительных по размеру субурбий. Горожане продолжают жить в переходящих по наследству избах. Коммерческий вернакуляр имитирует краснокирпичную архитектуру фронта, цитатно повторяя характер декора и объемно-пространственные композиции фасадов. Несмотря на то, что прямо напротив Благовещенска на китайском берегу Амура стремительно растет Хайхе, влияние китайской строительной индустрии на архитектурный ландшафт русского города менее катастрофично, чем можно было бы ожидать. Благовещенск окуклился в своей легенде «золотого века» и удачно эксплуатирует хорошо сохранившуюся историческую среду уютного малоэтажного купеческого города. Средний класс инвестирует в недвижимость на китайской стороне – это считается более выгодным и надежным, поэтому старый жилой фонд не подвергается обычной «модернизации».

Значительный массив одноэтажной жилой застройки (малороссийские мазанки) уцелел и в Уссурийске-Никольском, основанном в 1868 г. близ китайской границы. Русский гарнизон был расположен в старой чжурчженской крепости, вокруг вырос военный городок из краснокирпичных казарм, а офицерские флигеля вытянулись вдоль улицы Лермонтова. Вся эта структура дошла практически без изменения до сегодняшнего дня. Традиционное размещение в Уссурийске штаба округа и наличие состоятельного слоя заказчиков с консервативной эстетической программой привело к формированию обширных субурбий, сплошь застроенных громадными кирпичными палаццо гарнизонной архитектуры. Крайняя консервативность эстетической программы обитателей уссурийских субурбий привела к созданию худшего вида

среды – максимально сословной, закрытой, монотонной и недружелюбной.

Хабаровск, основанный как железнодорожный поселок, обслуживающий строительство моста через Амур, быстро стал важным административным центром и ставкой штаба округа, что неизбежно привело к формированию архитектурного ландшафта, аналогичного уссурийскому (двухэтажный кирпичный особняк, как обязательный атрибут социализации). Последние годы Хабаровск является центром нового переселенческого движения – город принимает значительное количество мигрантов, которые сразу же начинают строить привычный для среднеазиатского и закавказского региона вернакуляр. Хабаровские субурбии теряют однородный характер, сопутствующий им с конца 1990-х гг., и, как реакция на «новую мультикультурность», набирает обороты «краснокирпичный ренессанс». Если до 2014 г. основу субурбий составляли замки и форты, то сегодня появляются целые кварталы новых «красных казарм» – 2-, 3-, 5-этажная коммерческая застройка в «историческом хабаровском стиле», как позиционируются эти симулякры на рынке недвижимости.

От континентальных центров колонизации перейдем к морским. Самый старый дальневосточный город – Петропавловск-Камчатский (первый форт был заложен в 1740 г.) удивляет практически полным отсутствием кирпичной архитектуры, составляющей основу архитектурного ландшафта Хабаровска, Благовещенска, Уссурийска и Владивостока. Но в Петропавловске сохранилась уникальная деревянная архитектура, сформировавшая «культурный код» горожан и послужившая источником вдохновения для линейной субурбии, протянувшейся от Петропавловска вглубь полуострова к Елизово, где климат значительно мягче. С 2010-х гг. в городе начинают появляться удачные репликанты, практически полностью имитирующие исторические аналоги. Деревянная каркасная архитектура стала основой пригородных ландшафтов и вертикальных субурбий Петропавловска. Для местного вернакуляра характерны оригинальные объемно-пространственные композиции, замысловатые формы кровель, придающие постройкам выразительные силуэты. Аскетичность декора компенсируется смелостью конструктивных решений – обилием террас, веранд, консольных выносов и проч.

Сахалин – удивительный эксперимент по двойному культурному перекодированию. Русский остров, наполовину переданный японцам в

1904 г. и снова вернувшийся к русским в 1945 [Самарин 2015]. Несколько поколений советских граждан выросло в японских «бумажных» домах, и этот «культурный код» накладывает характерный отпечаток на местный вернакуляр. Современная частная жилая застройка Южно-Сахалинска монохромна и практически полностью лишена не только конкретных исторических аллюзий, но и элементарного декора. Крайне лаконичные объемно-пространственные решения коттеджей (кубы под четырехскатной кровлей), неуловимая чужеродность пропорций, размеров и очертаний оконных проемов – все это делает сахалинские субурбии совершенно непохожими на другие дальневосточные города.

Основным фактором, сформировавшим архитектурный ландшафт Владивостока являлось порто-франко и небывалая для Российской империи полиэтничность и мультикультурность города. Фрагментарно сохранившийся исторический центр, застроенный немцами, американцами, французами и поляками, позволил Владивостоку позиционировать себя на рынке юго-восточной туриндустрии как «настоящий европейский город». Эклектичность и романтизм, в высшей степени присущий историческому архитектурному ландшафту Владивостока, вновь и вновь воспроизводится в коммерческом вернакуляре («береговая архитектура»), пригороды поражают фантастическими замками, но на смену кирпичу уверенно идет архитектура сруба, как более «историческая», «аутентичная», «русская», и, стало быть, более привлекательная для туристов из юго-восточной Азии.

Заключение. Основными типами застройки колонизируемых территорий традиционно являлись форты (гарнизоны) и фактории; форты символизировали государственную идею, фактории – частную инициативу. По мнению автора, актуализация исторического наследия эпохи колонизации, как и любой героический нарратив, может иметь убедительные коммерческие перспективы, а реконструкция отдельных объектов и фрагментов застройки 1860–1930-х гг. благотворно скажется на облике постсоветских дальневосточных поселений.

Литература и источники

Арсеньев В.К. В дебрях Уссурийского края. – Владивосток: Книжное дело, 1926. – 464 с.

Арсеньев В.К. Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. – Хабаровск: Типография Штаба Приамурского военного округа, 1912. – 335 с.

Витер И.В. Хроника строительства города Петропавловска (1740–1923). – Петропавловск-Камчатский: СЭТО-СТ, 1997. – 112 с.

Зуева Н.С., Лынша О.Б. Дореволюционный Уссурийск: формирование архитектурно-планировочной структуры, топонимии и образа города. – Уссурийск: Изд-во ДВФУ (филиал в г. Уссурийске), 2012. – 92 с.

Иванова А.П. Городские пространства: предместья и дороги. Владивосток и Хабаровск, 2015–2018 гг. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 244 с.

Кауфман А.А. Материалы по вопросу о колонизационной вместимости Приамурского края. – Санкт-Петербург: Типография В.Ф. Кишбаума, 1901. – 304 с.

Кауфман А.А. По новым местам: Очерки и путевые заметки. 1901–1903. – СПб.: Общественная польза, 1905. – 353 с.

Прей Л.Э. Письма из Владивостока. 1894–1930. – Владивосток: Рубеж, 2011. – 464 с.

Самарин И.А. Памятники истории и культуры периода губернаторства Карафуто (1905–1945 гг.). – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2015. – 167 с.

Самарин И.А. Сахалинский кирпич (середина XIX – первая половина XX в.): каталог кирпичей из музеев Сахалинской области и частных собраний. – Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2018. – 114 с.

Янковский Ю., Янковский В. Нэнун: Дальневосточная одиссея. – Владивосток: Рубеж, 2012. – 640 с.